

УДК 821.161.1

ФУНКЦИЯ СИМВОЛИКИ В РАССКАЗЕ

И.А. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО»

Пётр Андреевич Гончаров

доктор филологических наук, профессор

goncharovpa2015@yandex.ru

Алина Самвеловна Кострикина

студент

kostrikinaaline@yandex.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается функциональная роль символики в рассказе И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско». На основе анализа системы ключевых образов (безымянный герой, пароход «Атлантида», океан, локусы Старого Света, библейские и мифологические аллюзии) выявляются способы создания философской притчи о кризисе европейской цивилизации начала XX века. Символические элементы служат средством репрезентации авторской оценки технического прогресса как внешнего фасада, за которым скрывается этическая деградация общества, нравственный упадок, а также утверждается мысль о неспособности богатства и власти защитить человека перед лицом смерти и кары за бездуховность.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Господин из Сан-Франциско», рассказ, символ, антитеза, библейские аллюзии, мифологический образ, критика цивилизации.

Рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (1915) – первоначальное название «Смерть на Капри» – как известно, имел своим источником книгу Томаса Манна «Смерть в Венеции», повествовавшую о смерти одного американца, приехавшего на Капри и неожиданно умершего в гостинице, где жил И.А. Бунин. Писатель внимательно наблюдал за жизнью европейского общества начала XX века, которое было наполнено контрастами. Особенно ярко это ощущается в разрыве между техническим прогрессом цивилизации и этическим регрессом.

Изображённый в этом рассказе и других произведениях Бунина мир явно не вызывает восхищения писателя – он, скорее, внушает прозаику горечь и сожаление. В его восприятии это цивилизация, потерявшая живую душу и потому обреченная на постепенное угасание. В дневниковых записях от 21 августа 1915 года, посвященных созданию рассказа, автор отмечает: «14–19 писал рассказ “Господин из Сан-Франциско”. Плакал, пища конец» [3].

Литературоведы отмечают значительную роль символики в прозе Бунина [5, 6, 9]. Как известно, «символ является не просто функцией (или отражением) вещи, но функция эта разложима в бесконечный ряд, так что обладая символом вещи, мы, в сущности говоря, обладаем бесконечным числом разных отражений..., могущих выразить эту вещь с любой точностью и с любым приближением к данной функции вещи» [7].

Известно, что «Сан-Франциско» – это город, где в середине XIX века началась золотая лихорадка, поэтому этот город является своеобразным символом и Америки в целом (как Нью-Йорк, как Чикаго, как Вашингтон), и символом золотой лихорадки. Господин из Сан-Франциско болен этой болезнью: он стремится на всём делать деньги и получать выгоду от использования любого человека. Следовательно, он кощунствует, святотатствует, так как сам родом из города, который назван в честь Святого Франциска, проповедовавшего аскетизм, бедность, служение ближним и любовь к природе, восставал против власти денег. За это осквернение главный герой и понесет наказание в событийности самого рассказа.

Изначально является прозрачным отношение писателя к господину, рассказ начинается словами: «Господин из Сан-Франциско – имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил...» [4] – он для него безликий, бесцветный и бездушный, поэтому не получил даже имени. Оно ему и не нужно: это не вполне конкретная личность, а обобщенный образ одного из хозяев мира, который подталкивает к гибели целую цивилизацию.

Стоит обратить внимание, что Бунин пишет «господин» со строчной буквы, что делает главного героя одним из сообщества хозяев жизни.

Уже высказывалось мнение, что «господин из Сан-Франциско» выводится писателем в качестве символа американизма — наиболее яркого для XX века выражения стандартизации человеческой жизни, бесплодности и обречённости погони за материальным преуспеванием» [5]. Американизм предстает как система ложных ценностей, где успешность маскирует внутреннюю пустоту. Бунин разрушает миф о том, что материальное благополучие автоматически приносит счастье, показывая, что за блеском скрывается одиночество, отчуждение и духовная смерть.

Важно рассмотреть и само отношение И.А. Бунина к материальным ценностям. Опираясь на работу А.К. Бабореко «И.А. Бунин. Материалы для биографии» [1], можно сделать вывод, что Бунин испытывал постоянные финансовые трудности, но его отношение к деньгам всё же было далёким от сребролюбия. В молодости он неоднократно сменял одно поприще на другое, так как стремился к «широкой жизни», но денег на воплощение этих желаний не хватало. Часто просил финансовой помощи у брата и других близких друзей, особенно в период его работы в газете «Орловский вестник». Он не презирал деньги как таковые, но и не видел в них «краеугольного камня». В материалах, собранных Бабореко, прослеживается неприязнь Бунина к меркантильности, стяжательству и корысти, которые он считал чуждыми подлинному искусству. Для него приоритетами всегда выступали творчество, свобода и верность своим убеждениям, а деньги были лишь инструментом для жизни [1].

У рассказа «Господин из Сан-Франциско» был эпиграф, который Бунин все-таки убрал: «Горе тебе, Вавилон, город крепкий!» [2] – эта цитата восходит к Новому Завету, где в полном виде она звучит так: «Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час придёт суд твой» (Откр. 18: 10) [2]. Это может быть истолковано как «пророчество» о том, как опасна гордыня «Нового Человека»: всё рассчитать и спланировать невозможно. А в этой стандартной жизни самым главным и самым живым событием, как ни странно, оказалась смерть. И её прячут от остальных не как что-то страшное, а как что-то постыдное, как «недоразумение».

Эпиграф прямо соотносится с эпизодом смерти господина из Сан-Франциско: «Он быстро пробежал заглавия некоторых статей, прочел несколько строк о никогда не прекращающейся балканской войне, привычным жестом перевернул газету, – как вдруг строчки вспыхнули перед ним стеклянным блеском, шея его напряжилась, глаза выпучились...» [4]. Налицо аллюзия, связанная с падением Вавилона, когда так же внезапно, во время пира вавилонского царя Валтасара, вспыхнули на стене письма, обрекшие его на гибель. «В ту же ночь Валтасар был убит, и Вавилон перешёл под власть Персидской империи» (Дан. 5:30) [2]. Внезапность, неожиданность и внутренняя закономерность такой смерти сближают эпизод из рассказа с библейским текстом, демонстрируя, что смерть персонажа оказывается не случайной, а предреченной, словно высший суд, подобный библейскому. Такой неизбежный конец закономерен для каждого, и никакие деньги, власть не помогут корыстолюбцу перед лицом смерти.

Символичен в рассказе образ парохода, на котором путешествует герой, он носит громкое название «Атлантида». Здесь Бунин отсылает читателя к топосу Атлантиды – легендарному мифическому континенту, который находился в Атлантическом океане и был населён потомками бога Посейдона. По одной из версий, цивилизация, достигшая небывалых высот, была в одночасье уничтожена землетрясением. Эта деталь – символ, дающий

представление о приближающейся гибели современного Бунину общества, погрязшего в пороках.

Здесь оказывается актуальной и уместной параллель с другим «непотопляемым» пароходом, увековеченным в истории его трагической судьбой. Действие Бунинского рассказа относится к началу XX века, точных указаний нет, но есть эпизод, который дает понять примерные временные границы: «Он быстро пробежал заглавия некоторых статей, прочел несколько строк о никогда не прекращающейся балканской войне...» [4]. Речь идет о балканских войнах в Европе 1912–1913 годов. К тому времени на воду уже был спущен самый большой в мире пароход – «Титаник», который не смог избежать роковой ошибки и столкнулся с айсбергом в ледяных водах Северной Атлантики. Несложно предугадать, какую судьбу предрекает автор для своего «Нового Человека». Человек не всесилен, он не может подчинить себе природу ни за какие деньги и ни за какую власть, исход такой попытки всегда будет трагическим.

«Многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем», – описывая огромное судно, автор живописует «мироустройство» корабля, где даже издают свою газету [4]. На верхнем ярусе находятся палубы с рестораном, баром и танцевальной залой, там располагаются влиятельные и богатые люди: «<...> вставали рано, пили кофе, шоколад, какао, садились в ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку...» [4]. Но есть там и другие – чернорабочие, кочегары, располагающиеся в трюме, напоминающем ад: «<...> там «глухо гоготали исполинские топки, пожиравшие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени» [4]. Здесь прослеживается антитеза, между теми, кто «наверху» наслаждается жизнью в «искусственном рае», и теми, кто «внизу» кидает каменный уголь в топки, чтобы корабль продолжил свой путь.

И ещё один контраст: тут на корабле голландские сигары, танцы, шикарные обеды, люстры, а вокруг – чёрная бездна океана, хаоса, с ноябрьской вьюгой. Бунин очень выразительно описывает мглу «извне», окружающую корабль: «Этажи Атлантиды зияют во мраке» [4]. Океан страшен, но пассажиры стараются об этом не думать, они полагаются на капитана, которого даже не видели, а океан тем временем сравнивается с адом. Бунин говорит о том, что внешняя устойчивость мира обманчива, за фасадом цивилизации всегда стоит стихия, рок, перед которыми человек оказывается беспомощным.

Локусы «старушки Европы», Италии также приобретают символический характер. Традиционно это страна солнца, искусства и красоты, но в рассказе она предстаёт холодной и неприветливой: «<...> всюду происходит что-то ужасное: на Ривьере небывалые ливни и бури, в Афинах снег, Этна тоже вся занесена и по ночам светит, из Палермо туристы, спасаясь от стужи, разбегаются <...> Утреннее солнце каждый день обманывало: с полудня неизменно серело и начинал сеять дождь да всё гуще и холоднее; <...> город казался особенно грязным и тесным, музеи чересчур однообразными, <...> а женщины, шлепающие по грязи, под дождем с чёрными раскрытыми головами, – безобразно коротконогими; про сырость же и вонь гнилой рыбой от пенящегося у набережной моря и говорить нечего» [4]. Таким образом, разрушается иллюзия «райского» отдыха. Даже природа словно подчёркивает обречённость персонажа и ипокритство его ожиданий.

Фигуру Дьявола на скалах Гибралтара можно истолковать как выразительный символ стерегущих человека тёмных сил: «Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утес, но громаден был и корабль...» [4]. Дьявол смотрит на «мир», погрязший в грехах. Символика помогает автору высветить ряд грехов, свойственных его персонажам.

Среди них – равнодушие: «Смерть господина из Сан-Франциско воспринималась обитателями отеля с неудовольствием, ведь “вечер был непоправимо испорчен”» [4].

Не менее значимым грехом путешествующих изображается лицемерие: «Нанятая за деньги танцующая пара, изображающая влюблённых, – фальшь «красивой жизни» [4].

В качестве порока рисуется избыточная жажда развлечений. Символика образов «Старого Света», Европы, Италии способствует этим обличительным намерениям прозаика: «Он надеялся наслаждаться солнцем Южной Италии в декабре и январе, карнавал он думал провести в Ницце, в Монте-Карло, начало марта он хотел посвятить Флоренции, к страстям господним приехать в Рим. Входили в его планы и Венеция, и Париж, и бой быков в Севилье, и купанье на английских островах, и Афины, и Константинополь, и Палестина, и Египет, и даже Япония» [4].

Гордыня знаково безымянной жены Господина из Сан-Франциско изображается как греховное качество: «У миссис слёзы сразу высохли, лицо вспыхнуло. Она подняла тон, стала требовать, говоря на своём языке и всё ещё не веря, что уважение к ним окончательно потеряно. Хозяин с вежливым достоинством осадил её: если мадам не нравятся порядки отеля, он не смеет её задерживать...» [4].

Автор не обходит вниманием и меркантильность со стороны дочери господина: «Прекрасны были те нежные, сложные чувства, что пробудила в ней встреча с некрасивым человеком, в котором текла необычная кровь, ибо ведь в конце концов и не важно, что именно пробуждает девичью душу – деньги ли, слава ли, знатность ли рода...» [4].

Вожделение тоже оказывается предметом негации рассказа: «А сам господин из Сан-Франциско, в серых гетрах на лакированных ботинках, всё поглядывал на стоявшую возле него знаменитую красавицу, высокую, удивительного сложения блондинку с разрисованными по последней парижской моде глазами, державшую на серебряной цепочке крохотную,

гнутую, облезлую собачку и всё разговаривавшую с нею. И дочь, в какой-то смутной неловкости, старалась не замечать его» [4]. Бунин таким образом строит своё повествование, что в рассказе нет прямого «авторского» осуждения изображенных грехов и пороков, но авторское отношение к ним рождается из контекста и деталей произведения. Бунин даёт нравственную оценку современного общества, изображает его этическую деградацию, проявляющуюся в различных пороках, в полном пренебрежении, игнорировании духовных ценностей. В то время как низменные удовольствия ставятся выше человечности.

Как уже отмечалось ранее, «Новый Свет», вопреки своему названию, включает в себе старую порочность его обитателей: «алчность, эгоизм, гедонизм, меркантильность, самонадеянность» [5]. Это не только подчеркивает нравственное разложение, но и показывает состояние той эпохи. Она обречена на духовную деградацию, а главный герой выступает живым воплощением этих пороков, иллюзорностью самонадеянности. Это можно истолковать как предупреждение, ведь как бы ни был силен технический прогресс в лице «Нового Света», «старое сердце» остается неизменным: оно помнит, сохраняет и усугубляет вековую развращенность человечества.

Символичной оказывается и влюбленная пара, которая пыталась разыгрывать перед путешественниками любовь и страстные чувства. На деле они оказались нанятыми актёрами. Бунин показывает, что даже в этом «луче» нет надежды на спасение. Они символизируют собой как раз тот обман, который включает в себе современное общество – эрзац истинных чувств и благополучия.

Как правило, символический образ опирается на традицию, историю. Поэтому Бунин проводит параллель между грешными, праздными путешественниками и римским императором Тиберием, жившим когда-то на острове Капри, там, где суждено было умереть господину из Сан-Франциско: «На этом острове две тысячи лет тому назад жил человек, несказанно мерзкий в удовлетворении своей похоти и почему-то имевший

власть над миллионами людей, наделавший над ними жестокостей сверх всякой меры, и человечество запомнило его, и многие, многие со всего света съезжаются смотреть на остатки того каменного дома, где жил он на одном из самых крутых подъемов острова» [4]. Так и господин из Сан-Франциско, который безнравственно пользуется плодами тяжкого труда обездоленных, когда сам получает удовольствие от жизни, в то время как на земле есть люди, которые проживают в крайней и беспросветной тьме.

Харон – перевозчик душ умерших, который с помощью своей лодки и весла переправлял их через реку Стикс или Ахерон в царство мёртвых, где они подвергались суду и получали соответствующее их поступкам воздаяние. На корабле «Атлантида», вызывающем ассоциации с лодкой Харона, и господин из Сан-Франциско прибывает на Капри, где его «неожиданно» настигает смерть. На этом же пароходе его бездыханное тело отправляют назад, к последнему пристанищу. Начиная свое путешествие господин на верхних палубах достославного корабля, а конец свой встретил в ящике из-под содовой в большом и тёмном трюме, словно опускаясь в нижние круги Дантовской преисподней.

Таким образом, система символов в рассказе предстаёт в следующем виде: безымянный господин, корабль «Атлантида», океан, пространство Старого Света. Все они – создают философскую притчу о кризисе современной Бунину цивилизации, лишенной духовности, полной самообмана, веры во всемогущество «золотого тельца». Символика и логика бунинского рассказа рассеивают уверенность в том, что богатство и положение в обществе способны защитить от главного – от конечности человеческого существования, от расплаты за самонадеянность.

Список литературы:

1. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М.: Худ. лит., 1983. 351 с.

2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 1376 с.
3. Бунин И.А. Дневники. 1915 г. // Новозыбковская централизованная библиотечная система – URL: https://nowbibl.ru/wp-content/uploads/2020/05/Bunin_I_Dnevnik.pdf
4. Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1016/p.1/index.html> (дата обращения: 25.02.2026).
5. Гончаров П.А. «Я вам покажу ... Сан-Франциско!»: Глобально-цивилизационные процессы в осмыслении И.А. Бунина // Метафизика И.А. Бунина. Сборник научных трудов, посвященный 150-летию со дня рождения И.А. Бунина. Выпуск 5. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. С. 100 – 111.
6. Зими́на-Ды́рда Т.Ю. Поэтика цвета и света в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А.М. Фёдорова: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Зими́на-Ды́рда Татьяна Юрьевна. Краснодар, 2011. – 213 с.
7. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
8. Мальцев Ю. Бунин: жизнь и творчество / Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994. 432 с.
9. Морозова Ю.Г. Вифлеем и его символика в творчестве И.А. Бунина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 3 (43). С. 102–111.

UDC 821.161.1

**THE FUNCTION OF SYMBOLISM IN I.A. BUNIN'S STORY
"THE GENTLEMAN FROM SAN FRANCISCO"**

Pyotr An. Goncharov

doctor of philological sciences, professor

goncharovpa2015@yandex.ru

Alina S. Kostrikina

student

kostrikinaaline@yandex.ru

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Abstract. This article examines the functional role of symbolism in I.A. Bunin's story "The Gentleman from San Francisco." Based on an analysis of the system of key images (the unnamed hero, the steamship Atlantis, the ocean, Old World loci, biblical and mythological allusions), the author identifies ways to create a philosophical parable about the crisis of European civilization in the early 20th century. Symbolic elements serve as a means of representing the author's assessment of technological progress as an external façade concealing the ethical degradation of society and moral decline, as well as the assertion of the inability of wealth and power to protect man in the face of death and punishment for lack of spirituality.

Keywords: I.A. Bunin, "The Gentleman from San Francisco," short story, symbol, antithesis, biblical allusions, mythological image, critique of civilization.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 20.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.